

ЧЕЛОВЕЧЕСКИЙ РЕСУРС УДМУРТОВ В 2000–2010 -е ГОДЫ

Автор рассматривает демографические показатели как сельских удмуртов, так и удмуртов-горожан. Если в сельской местности численность этноса не увеличивается из-за высокой смертности (особенно мужчин), суицида и алкоголизма, то в городе в третьем поколении удмурты, не зная языка, ассимилируются, точнее – обрусевают. Названы положительные и негативные самооценки удмуртов, проанализированы способы адаптации.

Ключевые слова: удмурты-селяне, удмурты-горожане, демографические параметры, социально-психологическая самооценка, адаптационные стратегии

Никто не будет оспаривать утверждение, что из двух разных стран та, у которой демографический ресурс больше, при прочих равных условиях будет обладать большей совокупной мощью. [1, с. 24]. Объективность этого тезиса может быть проверена не только на уровне государств, но и отдельных регионов, а также локальных сообществ, к каковым относятся и сельские, и городские удмурты как сложная система социальных связей и акторов. Представляется небезынтересным иметь четкое представление о демографическом ресурсе постсоветского провинциального села и удмуртах-горожанам, причем не только в его количественных, но и качественных параметрах, ибо в современных условиях роль качественных характеристик человеческой популяции имеет тенденцию к возрастанию. Для современной России эта мысль особенно актуальна, так как конечный результат российских трансформации во многом зависит именно от качества человеческого капитала, то есть его возрастной структуры, состояния здоровья, уровня образования и социально-профессиональной квалификации, образа жизни, знаний, умений и нравственности. Иными словами, гарантия безопасности государства заключается не только в численности человеческого потенциала, но и в его качестве.

К сожалению, практика реформ свидетельствует о том, что проблемы с человеческим ресурсом в стране пока «задвинуты в тень». В Удмуртии, например, принято подчеркивать, что по уровню рождаемости республика занимает второе место в Приволжском федеральном округе, что сокращается количество разводов, растет число заключенных браков, а проблемы качества населения предметом серьезного анализа не становятся, тогда как именно в этой сфере накопилось много негативных явлений.

Начну с нескольких цифр, характеризующих демографические параметры народа. Переписью 2010 г. зафиксировано 552,3 тыс. удмуртов (последней советской переписью 1989 г. – 746,8 тыс., переписью 2002 г. – 637,9 тыс.). Нехитрые математические вычисления показывают, что с 2002 г. по 2010гг. удмурты ежегодно теряли более 10 тыс. чел., и если ситуация не изменится в лучшую сторону, через 55 лет они как этнос могут исчезнуть¹.

Негативные процессы в области здоровья сельского населения республики, усугубившиеся в начале 2000-х гг., в значительной мере явились следствием социально-экономических реформ, которые осуществлялись без использования необходимых в таких случаях социальных предохранителей. Шоковая модель трансформационных преобразований фактически развивалась в разрез с процессами возможностей медико-биологической адаптации человека к меняющимся условиям жизни. Роковую роль сыграл чрезмерный стресс, снижающий сопротивляемость организма и вызывающий развитие

¹ Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2010 году». Ижевск, 2011. С. 16.

характерных патологических изменений. Наряду со стрессом, действовал и другой механизм, связанный с нарушением динамического стереотипа (по И. Павлову), который обеспечивает устойчивое и экономное функционирование организма. Именно шоковая стратегия, приведшая к слому динамического стереотипа, по мнению медицинских работников, стала главной причиной чрезвычайного ухудшения здоровья и высокой смертности населения, особенно в трудоспособном возрасте [2, с. 9-10]. Об этом свидетельствует рост заболеваемости, рост инвалидности, резкое падение здоровья детей и подрастающего поколения. В структуре общей заболеваемости у подростков 15–17 лет уже на протяжении многих лет первое место занимают болезни органов дыхания, второе – глаза и его придаточного аппарата, третье – заболевания органов пищеварения. За последние годы наблюдается стремительный рост болезней эндокринной системы. В структуре психических расстройств подростков преобладает умственная отсталость, которая в 2004 г. составила 63%. По данным республиканской прокуратуры, среди подрастающей молодежи наблюдается высокий уровень суицидального поведения. Так, в 2004 г. суициды среди подростков составили 46 случаев на 100 тыс. подросткового населения и увеличились, по сравнению с 2003 г., в 1,4 раза. Выяснено, что к вероятным факторам риска, способствующим суицидальным попыткам, следует отнести следующие параметры: возраст 17 лет, мужской пол, проживание в сельской местности [2, с. 79].

Одним из наиболее опасных проявлений ухудшения качества человеческого капитала Удмуртии является формирование возрастных и гендерных диспропорций в составе населения. «Поле детства» сжимается, как шагреновая кожа: в 2002 г. доля детей в общей численности населения составляла 23,8%, в 2003 г. – 23,2%, в 2004 – 22,9 %¹. В то же время увеличиваются численность и доля нетрудоспособного и престарелого населения. Как и в целом по стране, старение населения сопровождается сокращением абсолютной численности женщин репродуктивных контингентов. Уровень рождаемости, несмотря на некоторое увеличение, по-прежнему в 2–2,5 раза ниже того минимума, который необходим для простого воспроизводства населения. Это означает, что в современных городских и сельских семьях сформировалась устойчивая тенденция к малодетности².

Удмуртов можно назвать преимущественно аграрным этносом: 55,4% из них проживает в сельской местности. В «ранговом ряду» по показателям рождаемости сельские удмуртки занимают первое место в республике, но активная реализация ими репродуктивной функции не приводит к росту численности этноса. Происходит это из-за высокой смертности селян (так, в 2010 г. смертность от отравлений алкоголем в деревне была в 1,3 раза выше, чем в городе, от суицидов – в 2,3 раза, убийств – в 1,8 раза, и т.д.), а также ассимиляции (преимущественно – обрусения) как следствия межэтнических браков и утраты этнической идентичности [4, с. 63]. Не случайно же из 552,3 тыс. удмуртов только 324 тыс. назвали родным удмуртский язык. Пагубную лепту в демографические показатели народа вносит и миграция, особенно – молодежная.

Среднестатистическая удмуртская сельская семья сегодня – трехпоколенна: родители, 2-3 детей и мать одного из супругов. Это характерная для села картина: из-за высокой смертности мужчин поколение людей преклонного возраста в основном состоит из вдов. Рост числа вдов наблюдается и в средних возрастных когортах женщин, обусловленный сверхсмертностью мужчин трудоспособного возраста, причем смертностью преимущественно неестественной. Так, в 2010 г. в сельской местности доля мужчин трудоспособного возраста в общем числе умерших от неестественных причин составила 84,3 % (в 2009 г. – 87,2%)³.

¹ Государственный доклад «О положении детей в Удмуртской Республике в 2004 году». Ижевск, 2005. С. 79.

² Там же. С. 34.

³ Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2010 году». Ижевск, 2011. С. 14.

Можно отметить, что в последние годы в демографических процессах появились некоторые обнадеживающие показатели. Так, в 2009–2010 гг. численность населения УР за счет естественного прироста увеличилась на 0,3%, в сельской местности сократилось число рождений вне брака (с 36,6% в 2009 до 31,56% в 2010 г.), увеличилась средняя продолжительность жизни с 68 лет до 69,3 лет¹. Однако качество человеческого потенциала по многим показателям продолжало ухудшаться, что в среднесрочной перспективе для республики может обернуться большими проблемами.

Занятость в аграрной сфере труда и сельский образ жизни детерминируют в национальном характере народа некоторые специфические черты, явно ощущаемые в социально-психологической самооценке. Среди положительных черт своего характера удмурты чаще всего называют миролюбие, доброжелательность, гостеприимность, деликатность, сдержанность в проявлении чувств, терпеливость и терпимость, трудолюбие, упорство, бесконфликтность.

К нежелательным чертам относят стеснительность, скрытность и замкнутость, упрямство, нетерпимость к критике, обидчивость, зависть и нежелание брать на себя ответственность. Кстати, избегание ответственности имеет своим следствием удаленность удмуртов от власти, они слабо представлены в рядах республиканской бизнес- и политэлиты. Можно сказать, что удмурты прилежные, дисциплинированные исполнители, но достаточно сложно представить их в роли предприимчивых, не боящихся риска бизнесменов или руководителей, не страшщихся критики.

Подчеркну также, что социально-психологическая самооценка респондентов-удмуртов во многом коррелирует со сторонним взглядом на них, в том числе – ученых. Добавлю еще несколько черт характера, которые в самооценке респондентов не прозвучали. На мой взгляд, негативные черты характера удмуртов усугубляются социальной апатией, этническим нигилизмом, склонностью к депрессии и уходом в пассивные формы протеста (суицид, алкоголизм). Все это, так или иначе, ограничивает психологическую и социальную мобильность народа, ведет к блокировке возможностей участия в рыночных отношениях.

Между тем, необходимость адаптации к структурной перестройке социально-экономической сферы жизни – это едва ли не самое важное, с чем приходится сталкиваться современному сельскому сообществу. Надо сказать, что виды деятельности селян, направленной на жизнеобеспечение, варьируют в достаточно широком диапазоне и реализуются, как правило, в комплексе. Труд в общественном производстве, в личном подсобном хозяйстве, занятие фермерством, различные виды несельскохозяйственной предпринимательской деятельности, временная (например, сезонная) работа по найму, подработка, сетевые ресурсы, эпизодические «рейды» в рыночную экономику, криминальные или полукриминальные методы добычи средств существования, организация сельского эко- или этнотуризма – это далеко не исчерпывающий перечень адаптационных практик, демонстрируемых современным сельским социумом.

Одним из объектов приложения адаптационных практик селян стали сельскохозяйственные производственные кооперативы (СПК, по Т. Шанину – «крупхозы»), крестьянские фермерские (КФХ), личные подсобные (ЛПХ) хозяйства. Работа в СПК, к примеру, гарантирует селянину заработную плату и ряд социальных выплат, позволяет рассчитывать на определенные льготы при аренде техники, приобретении строительного материала, фуражного зерна. Даже то, что сегодня в удмуртских деревнях практически нет нищих и бездомных, брошенных сирот и стариков, заслуга не только конкретных людей или семей, но и местных сельскохозяйственных предприятий и их руководителей.

Примеры производственно-экономической успешности преимущественно удмуртских крупхозов наталкивают на мысль, что «вписанность» народа в рыночные

¹ Государственный доклад «О состоянии здоровья населения Удмуртской Республики в 2009 году». Ижевск, 2010. С. 3.

отношения на коллективном уровне выглядит более яркой, нежели на приватном. Об этом свидетельствует тот факт, что сегодня в аграрном секторе республики самые сильные хозяйствующие субъекты представлены в основном удмуртами в составе как рабочих, так и их руководителей. Это дает основание считать, что сельское хозяйство в регионе держится на удмуртах: благодаря их высоким экономическим показателям, республика по надоям молока, количеству поголовья скота, урожайности зерновых культур и др. достаточно презентабельна.

Ярчайшим примером мобилизации материальных, производственных и иных ресурсов удмуртов-селян стало бурное развитие личных подворий. Их в современных условиях можно рассматривать как производственную единицу, функционирующую по законам семейной экономики. Для такого хозяйства характерны не погоня за прибылью, а поддержание обычной жизнедеятельности, сохранение материального и социального статуса. Традиция и культура хозяйствования сельского социума стали его ресурсом адаптации, где реальная помощь региональной власти занимает весьма скромное место.

Пример ЛПХ позволяет считать, что самостоятельность крестьянского социума выразилась не там, где предполагалось – не в коллективных и даже не в фермерских хозяйствах. Оценивать подобную адаптационную практику как однозначно позитивную и перспективную едва ли возможно. Выживание семейных хозяйств и демонстрация ими значимого экономического результата происходят за счет самоэксплуатации, которая гарантирует определенную экономическую и материальную независимость, но не уменьшает несвободу. Несвободу от тяжелого (преимущественно физического) ежедневного труда, необходимости неотлучного пребывания в рамках собственного мелкотоварного хозяйства.

Серьезной ареной адаптационных практик сельских тружеников Удмуртии могло бы стать занятие фермерством, но прошедшие два десятилетия показали, что этот ресурс сельским социумом (и не только им, но и идеологами реформ) был явно переоценен. За годы трансформаций фигура фермера стала узнаваемой, но фермерский уклад не стал ведущим в сельском хозяйстве республики. Только главы двух фермерских хозяйств (не удмурты) организацию производства и работу с персоналом ведут на уровне крупного бизнеса и сосредоточивают в руках от 2 до 4 тыс. га земель. Остальное большинство фермеров производство и реализацию продукции в основном осуществляет в рамках натурального обмена, практикует формы неэкономического взаимодействия; многие КФХ функционируют в режиме самообеспечения.

Появление в деревне новых акторов экономики в лице обществ с ограниченной ответственностью (ООО), открытых и закрытых акционерных обществ (ОАО, ЗАО) свидетельствует о процессе концентрации производства (а заодно – и собственности) в руках крупных товаропроизводителей, игнорирующих сельский социум в качестве субъекта этого процесса. Подобное становится возможным из-за модернизации экономических отношений преимущественно в технологическом и организационно-правовом направлениях, факторы же развития человеческого потенциала экономики, его нравственная составляющая остаются в тени.

В целом, традиционализм, здоровый крестьянский консерватизм (нежелание рисковать, осторожное отношение к новшествам), перманентное недоверие к власти как таковой, некоторые другие нюансы социальной ментальности определяют специфику адаптационных практик сельского социума. Из разнообразия моделей адаптационных практик предпочтение отдается тем, которые позволяют выживать за счет проверенных, привычных и более надежных, с точки зрения селян, ресурсов – самоэксплуатации, натурализации, в чем-то даже примитивизации. Данный выбор позволяет выживать, но редко – развиваться, тормозит интегрирование социума в процессы либерализации производственной жизни и отношений. Селяне демонстрируют витальность, упорство и упрямство, пластичность, но при этом основная логика их выживания связана с традиционализмом. Тип личности, преобладающий в селе, условно можно назвать

«неэкономическим». Очень немногие удмурты отбросили все ограничения, чтобы «пожить по своей воле», но представительный ряд homo economicus удмуртской национальности в деревне пока не сформировался.

Что касается удмуртов-горожан, объектом специального научного исследования они пока не становились, хотя отдельные, в первую очередь, статистические данные, о них в удмуртоведении имеются. Известно, например, что к 1959 г. доля удмуртов-горожан в республике составляла всего 18,6%, но уже в 1960-е гг. возросшие темпы развития промышленного производства вызвали активный отток селян в города. К 1970 г. доля горожан-удмуртов выросла в республике до 28%, к 1979 г. – до 37,7%, к 1989 – до 44,7%. Судя по данным переписи 2010 г., этот показатель практически не изменился 44,6%.

Еще в советские годы в пространстве города сложилась глобальная по своему воздействию на социальные процессы и до сих пор не преодоленная дихотомия: параллельное существование русскоязычной технологической сферы, приемлемой для использования в любой части страны, и локальной удмуртскоязычной культурно-гуманитарной среды, созданной для внутриреспубликанского потребления. Пилотный этносоциологический мониторинг, проведенный в 2007–2008 гг. среди удмуртов гг. Ижевск, Глазов и Сарапул (охвачено 600 чел. в возрасте 18-60 лет), еще раз подтвердил наличие такой дихотомии: 41% опрошенных были заняты в системе образования, науки, культуры, здравоохранения, СМИ, 24% – лица рабочих профессий, Совсем не выразительны показатели по инженерно-техническим профессиям (6%), занятости в сфере государственного и муниципального управления (3%) и бизнеса (1%). По 8% от всех опрошенных составили пенсионеры и студенты. Для преобладающего большинства респондентов основным источником жизнеобеспечения являются заработная плата по месту работы, подработка в других сферах деятельности, пенсия и активное занятие садоводством и огородничеством на пригородных участках.

Поиск брачного партнера городскими удмуртами в основном идет в своей этнической среде, что, к сожалению, не означает, что все дети от таких браков идентифицируют себя удмуртами (таковых, судя по ответам, 71%). Вообще данные анкет наталкивают на мысль, что этническая культура воспринимается удмуртами-горожанами как значимая ценность, но язык как один из видов социокультурного капитала большинством горожан не воспринимается. Именно поэтому перед каждым новым поколением городских удмуртов этническая самоидентификация со своим народом теряет актуальность: как правило, в третьем поколении происходит смена этнической идентичности.

В заключение хочу подчеркнуть, что переходный период для малочисленных народов оборачивается большим кругом проблем, испытаний и потерь, нежели для многочисленных. На мой взгляд, в транзитном обществе аграрный труд (кстати, самый низкооплачиваемый в России) для сельского труженика становится настоящим испытанием, изнашивающим его физически, психологически и эмоционально.

Не легче и удмуртам-горожанам, которым приходится приспосабливаться к новой социальной среде, пытаться сокращать социальную дистанцию между собой и доминантным русскоязычным большинством. Тем не менее, хочу закончить выступление на оптимистичной ноте. Еще во второй половине XIX в. казанский профессор И. Н. Смирнов, наблюдая за ростом числа межэтнических браков среди удмуртов, сказал, что «не пройдет и 100 лет, удмуртов не будет» [5, с. 260-261]. Однако они пережили весьма непростой XX в. и перешагнули в XXI в. Удмурты обладают сильной витальностью, упорством, трудолюбием. Если они поймут, что их будущее зависит, прежде всего, от них самих, если не испугаются и возьмут на себя ответственность за собственную судьбу, за сохранение языка, лучших образцов культуры, воспитание в молодых поколениях качеств характера, необходимых для того, чтобы быть в современном обществе конкурентоспособными, они переживут текущий век и перейдут в

следующий. Невозможно сделать человека счастливым, он сам должен постараться стать таковым.

© Никитина Г. А. Текст. 2016.

Список источников

1. Римашевская Н. М. Развитие человеческого потенциала в России // Перемены в сельской России. 1991–2003. Оценки, подходы, методы. – Петрозаводск : КарНЦ РАН, 2005.
2. Величковский В. Г. Реформы и здоровье населения страны. Пути преодоления негативных последствий. – М., 2001.
3. Касьянова О. Болезни поколения next // Либеральная Удмуртия. – 2005. – 14 дек.
4. Удмурты. Историко-этнографические очерки. – Ижевск, 1993.
- 5 Смирнов И. Н. Вотяки // ИОАИЭ. – 1890. – Т. 8. – Вып. 2. – С. 260-261

Nikitina G. A.

THE UDMURT HUMAN RESOURCE IN THE 2000S AND THE 2010S.

The author estimates demographic parameters of both rural and urban Udmurts. In the countryside the population does not increase because of high mortality rate (especially among men), suicide and alcoholism, whereas third-generation urban Udmurts do not acquire the Udmurt language and become assimilated and Russified. The study highlights positive and negative Udmurt self-esteem and analyzes adaptation strategies.

Keywords: rural Udmurts, urban Udmurts, demographic parameters, sociopsychological self-esteem, adaptation strategy.

Information about the author

Nikitina Galina Arkadyevna (Russia, Izhevsk) Doctor of Historical Sciences, Professor, Leading Researcher Udmurt Institute of History, Language and Literature of the Ural Branch of the Russian Academy of Sciences (426004, Russia, Izhevsk, Lomonosova St., 4 e-mail: nikitina@udnii.ru)

УДК 331.101.5

С.Н. Смирных, Е.В. Потапцева, Р.Н. Гиниятуллин

ФАКТОРЫ ВОСПРОИЗВОДСТВА ВЫСОКОПРОИЗВОДИТЕЛЬНЫХ РАБОЧИХ МЕСТ В РОССИИ

В статье рассмотрены критерии идентификации высокопроизводительных рабочих мест (ВПРМ) в мировой практике и отечественной практике; выделены проблемы оценки количества ВПРМ в российской экономике, предложена эконометрическая модель оценки влияния уровня экономического развития регионов на показатели воспроизводства ВПРМ.

Ключевые слова: высокопроизводительные рабочие места, воспроизводство, валовой региональный продукт

Устойчивое развитие страны рассматривает рабочую силу как ключевой ресурс экономики, что обусловлено расширением научно-технического прогресса и появлением новых технологий, которые, в свою очередь, предъявляют более высокие требования к уровню производительности труда отдельно взятого работника. От работника компании